

UNITED WISDOM

Возвышенное: опыт того, что превосходит привычный масштаб

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-20-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Возвышенное: опыт того, что превосходит привычный масштаб

Эпиграф

«чувство возвышенного, чего-то гораздо глубже слитого воедино»

— Уильям Вордсворт, Lines written a few miles above Tintern Abbey, выбранные две строки после упоминания присутствия; текст Lyrical Ballads 1798. Наша передача фрагмента английского оригинала.

О чём эта статья

Встреча с большим не всегда сводится к подсчёту размеров. Иногда знакомого способа смотреть оказывается недостаточно: хочется удержать целое, но оно не складывается в привычную картину. Такой опыт называют возвышенным, хотя разные авторы вкладывают в это слово неодинаковые основания. Мы рассмотрим выбранные разделы Эдмунда Бёрка о страхе, изумлении и расстоянии, кантовское различение прекрасного и возвышенного и стихотворение Уильяма Вордсворта о возвращении к окрестностям Тинтернского аббатства. Историческая теория переживания, философский вопрос о способности суждения и личный поэтический голос не составляют единого метода. Современные сцены ниже придуманы для рассуждения; они не являются исследованиями состояния человека. Важен не долг искать сильные впечатления, а возможность точнее описать уже случившуюся встречу: что оказалось больше привычной меры, какое основание мы этому приписали и что осталось неизвестным. Возвышенное не требует опасности, обязательного чувства собственной ничтожности или обещания, что после него человек станет лучше.

I. Когда знакомой меры недостаточно

Представим человека, который рассматривает в комнате крупную фотографию ночного неба. Он знает, что перед ним изображение, а не само пространство. Можно назвать размеры отпечатка, разобрать композицию, узнать подписи к видимым объектам. Но в какой-то момент вопрос меняется: как соотнести эту ограниченную поверхность с тем, что она предлагает представить? Вымышленный человек не получает нового знания о вселенной только потому, что остановился перед снимком. Он замечает различие между предметом перед собой и возможностью мысли выйти за его края. Здесь возникает тема масштаба. Она касается не только того, насколько велика вещь, но и того, какой мерой человек пытается удержать её значение для себя.

Знакомая мера бывает буквальной: расстояние, длительность, количество. Бывает и смысловой: привычный рассказ, в котором каждому впечатлению заранее отведено понятное место. Большая вещь может легко войти в такой рассказ, а небольшой предмет — неожиданно его нарушить. Поэтому нельзя назначить возвышенность по размеру фотографии, громкости музыки или цене путешествия. Мы пока говорим о вопросе человека, а не о качестве, которое гарантированно содержится в любом огромном объекте. Он может просто рассмотреть снимок и пойти дальше. Может заинтересоваться подписью. Может не захотеть продолжать. Ни один из этих вариантов не доказывает недостатка чувствительности; впечатление и мера достоинства человека здесь не связаны автоматическим правилом.

Важно сохранить разницу между описанием встречи и заявлением о мире. Фраза «я не могу охватить это привычным способом» говорит о нынешнем отношении к предмету. Она не доказывает, что предмет бесконечен, обладает особой волей или сообщает человеку верное решение. Чувство может быть поводом для вопроса, но не готовым ответом на вопрос о фактах. В дальнейшем источники предложат разные объяснения: Бёрк обратится к сильному переживанию, Кант — к отношениям воображения и разума, Вордсворт — к памяти и поэтическому присутствию. Не нужно выбирать одно объяснение до чтения или объявлять их одинаковыми. Сначала можно оставить точную границу: привычный способ оказался недостаточным, а дальнейшее основание ещё предстоит различить.

II. Прекрасное и возвышенное не отличаются только размером

В § 23 «Критики способности суждения» Кант начинает переход от прекрасного к возвышенному через различие формы и границы. Прекрасное связано с формой предмета, которую можно рассматривать как ограниченную. Возвышенное может обсуждаться и при встрече с тем, что не удаётся представить таким ограниченным целым. Это не простое правило «малое красиво, большое возвышенно». Кант ставит вопрос о том, что происходит в суждении, когда представление не исчерпывается удобной формой. В его аргументе внимание смещается от приятной соразмерности к тому, что вызывает отношение к идеям разума. Пересказ здесь ограничен выбранным разделом; он не заменяет всю систему Канта и не превращает любой недостаток понимания в философское достижение.

Это различие помогает не спорить о впечатлениях слишком рано. Один зритель описывает ясную композицию фотографии, другой — невозможность представить показанные расстояния. Они могут говорить об одном предмете и разных отношениях к нему. Не обязательно решать, чей ответ выше или правильнее, чтобы услышать разницу. Форма изображения остаётся ограниченной, а мысль об изображённом может выходить за пределы непосредственно видимого. Кантовское объяснение не сводится к этой бытовой сцене: у него есть собственное основание в способностях суждения. Сцена лишь делает вопрос доступным. Мы различаем то, что можно описать как устройство предмета, и то, что возникает при попытке соотнести его с более широкой мыслью, не выдавая второе за измеренный факт.

У Канта возвышенное нельзя просто хранить в предмете как его физическое свойство. В § 23 он прямо меняет место объяснения: речь идёт о состоянии и отношении способностей, а не о гарантированно возвышенной вещи. Поэтому надпись «это должно потрясти вас» уже добавляет требование, которого описание предмета не устанавливает. Она может превратить выставку в проверку правильного посетителя. Человек начинает оценивать, достаточно ли он удивился, вместо того чтобы понять собственный вопрос. Более точная формулировка оставляет пространство: здесь можно столкнуться с пределом привычного представления. Можно и не столкнуться. Различие между философским объяснением возможности и приказом пережить эту возможность полезно удержать до любого разговора о глубине, зрелости или значении увиденного.

III. Изумление у Бёрка и остановка обычного внимания

В первом разделе второй части своего исследования Бёрк связывает возвышенное с изумлением: сильная встреча может как будто заполнить внимание предметом, оставив мало места для других мыслей. Его историческое объяснение включает ужас, а не только приятное удивление. Во втором разделе он обсуждает страх и использует сравнение океана с большой равниной: размер сам по себе ещё не объясняет разницу впечатления. Здесь важно не превращать пересказ в современный закон психики. Бёрк предлагает определённую теорию и набор примеров; статья сохраняет их как философский источник, а не измеренное описание всех людей. Полезный для нашей темы вопрос звучит уже: почему сильная встреча иногда нарушает привычное распределение внимания, а не просто добавляет ещё один красивый предмет?

Такое нарушение не обязательно нужно немедленно объяснить высоким смыслом. В условной сцене зритель перестаёт разбирать подписи на фотографии и несколько мгновений смотрит молча. Можно заметить паузу, не объявляя её доказательством духовного события. Другой человек в той же комнате продолжает читать подписи, и его внимание не становится менее настоящим. Бёрковское изумление помогает назвать один возможный ход переживания, но не назначает единственную достойную реакцию. Вопрос о силе впечатления остаётся отличным от вопроса о его истинности. Даже если встреча временно занимает всё внимание, из этого не следует, что возникшее толкование мира верно или что после паузы требуется принять решение, изменить убеждения либо передать своё состояние другим.

Вордсворт описывает иной регистр. В стихотворении о Тинтернском аббатстве есть спокойное, благословенное настроение, вспоминаемые формы природы и ощущение присутствия, которое углубляет мысль. Это не бёрковский ужас под другим названием. Поэтический голос рассказывает о своём опыте и памяти; он не проводит сравнение реакций разных участников. Сопоставление показывает, что слово «возвышенное» не обязано означать только сильный испуг. Оно может войти в рассказ о более тихом отношении к увиденному, если таков конкретный текст. Но нельзя вывести из стихотворения гарантированный способ получить спокойствие. Разница источников важнее удобного общего рецепта: историческая теория изумления и личное поэтическое свидетельство по-разному отвечают на вопрос о выходе за привычное.

IV. Расстояние не превращает опасность в задание

В I.VII Бёрк делает существенную оговорку: когда опасность или боль подходят слишком близко, они не дают того особого удовольствия, о котором он рассуждает. Он говорит об определённом расстоянии и изменённых условиях. Эта мысль не разрешает рассчитывать безопасную дозу опасности по литературному тексту. Она прежде всего разрушает слишком быстрый вывод, будто для сильной эстетической встречи нужно оказаться в реальной угрозе. Даже внутри исторического аргумента непосредственное страдание и рассматриваемая встреча не совпадают. В современной ситуации нельзя подменять оценку конкретных условий словом «возвышенное». Источник помогает различить предметы разговора, но не сообщает, где именно человеку безопасно стоять, куда ехать или какое воздействие он обязан выдержать ради впечатления.

В § 28 Кант тоже различает пугающий предмет и человека, который действительно боится. Его рассуждение о динамически возвышенном предполагает возможность рассматривать мощь природы из положения безопасности. Собственное философское основание Канта отличается от бёрковского объяснения: речь идёт о способности мыслить себя независимо от природной силы в особом отношении к разуму и нравственному назначению. Не нужно стирать эту разницу словами «оба советуют не бояться». Они не дают одинакового совета, и фактический страх не становится моральным недостатком современного человека. Кантовская сцена является частью аргумента, а не проверкой мужества посетителя выставки. Её условие не отменяет вопроса о реальной безопасности и не доказывает, что место безопасно лишь потому, что наблюдатель способен размышлять.

Практическая граница нашего рассуждения проще исторических теорий. Если встреча требует опасного действия, слово «возвышенное» не делает это действие необходимым. Можно обсуждать изображение, воспоминание, описание или вообще закончить разговор. Эти варианты не гарантируют того же чувства, зато не превращают чувство в оправдание риска. Особенно неточно назначать человеку обязанность пройти через угрозу, чтобы стать глубже или доказать понимание искусства. В таком приглашении заранее решено, что он должен получить и кем должен оказаться после. Статья оставляет неизвестный результат неизвестным. Если опыт уже был тяжёлым, его не требуется переименовывать в прекрасный урок; можно сохранить фактическое описание без обязательной благодарности и без вывода о недостаточно развитой способности переживать возвышенное.

V. Величина и мощь задают разные вопросы

В § 24 Кант различает математически и динамически возвышенное. В пределах прочитанного раздела это различение позволяет назвать два вопроса: как представить величину и как отнестись к мощи. Само различение ещё не подменяет подробного обоснования: оно открывает дальнейшее рассуждение в §§ 25–27. Для повседневного разговора различие полезно тем, что останавливает смешение. Огромное расстояние на карте и представление о силе, способной разрушить знакомое устройство вещей, не являются одним и тем же впечатлением. Они могут соединяться, но не обязаны. Называя источник, стоит уточнить, какой вопрос мы действительно взяли из него, а какой ещё только предполагаем рассмотреть самостоятельно.

Бёрковский пример океана во II.II тоже показывает, что величина не исчерпывает отношения к предмету. Он сравнивает впечатление от океана и обширной равнины, вводя страх как существенное для его объяснения обстоятельство. Это не точное совпадение с кантовским делением. У Бёрка сравнение служит теории сильного переживания; у Канта различие имеет место в исследовании способности суждения и её основания. Общий вопрос можно сохранить без общего ответа: почему нельзя судить об опыте только по внешним размерам? Когда эти две строки ставят рядом, важно не выдавать один источник за подтверждение всей системы другого. Они дают разные способы рассмотреть проблему, а не независимые измерения, которые автоматически доказывают единый закон эстетического воздействия.

В условной комнате человек может уточнить своё впечатление без выбора философской школы: меня занимает не размер отпечатка, а невозможность представить расстояние; или меня тревожит мысль о силе, о которой изображение напоминает. Эти предложения не обязаны быть окончательными. Иногда выяснится, что вопрос касается неизвестного факта, и потребуется другой источник, например пояснение к самому снимку. Иногда человек захочет оставить впечатление без объяснения. Возвышенное не должно вытеснять обычное незнание: если неясно, что изображено, эстетическое слово не заменяет подпись. Различение величины, мощи, факта и собственного отклика делает разговор точнее, не обещая, что после него удастся измерить глубину переживания или назначить всем участникам одинаковое значение показанного.

VI. Вордсворт: место, память и меняющийся взгляд

Стихотворение Вордсворта начинается с возвращения после нескольких лет. Уже это устройство важно: место рассматривается не только в настоящем, но и через то, что память удерживала в промежутке. Поэт рассказывает о разных возрастах и способах воспринимать природу. Прежняя непосредственная увлечённость не просто повторяется; в новом взгляде появляются мысль, память и связь с жизнью среди людей. Не стоит превращать такую последовательность в обязательную лестницу развития каждого читателя. Это конкретное поэтическое свидетельство, а не проверенный возрастной закон. Для нашей темы оно показывает иной вопрос масштаба: встреча может оказаться больше нынешнего момента, потому что в неё входят прежнее видение, годы отсутствия и изменившийся способ назвать собственное отношение к месту.

В памяти стихотворения природа связана с поддержкой и успокоением, но эти слова принадлежат голосу поэта. Они не доказывают, что любое место или воспоминание действует одинаково, и не назначают человеку способ лечения. Точность чтения требует удерживать жанр вместе с утверждением. Поэтическая уверенность может быть сильной и значимой, не превращаясь в общую гарантию. Если читатель не узнаёт в себе такого опыта, стихотворение не опровергает его действительную жизнь. Он может рассмотреть, как автор связывает настоящее и прошлое, не принимая все связи как собственные. Тогда встреча с текстом остаётся возможностью услышать чужую меру опыта, а не обязанностью доказать, что природа или память уже подарили ему нужное состояние.

Наш вымышленный зритель может вспомнить, что когда-то видел похожее изображение в другом месте. От этого нынешняя фотография не получает универсального значения, но в разговор входит ещё один слой: не только что показано, но и как человек вернулся к знакомому. Другой участник не знает этого прошлого и не обязан увидеть тот же смысл. Различие можно назвать без закрытия разговора. Личная память объясняет часть отношения, но не превращает предмет в собственность чувства и не запрещает иное описание. Вордсворт помогает увидеть временную глубину встречи; Кант ставит иной вопрос о суждении. Их сопоставление сохраняет два основания, а не объявляет поэтическую биографию примером, который автоматически доказывает философскую структуру возвышенного для всех.

VII. Выход за привычное не означает единства всех оснований

В выбранном поэтическом фрагменте Вордсворт говорит о чувстве возвышенного и о чём-то глубже пронизывающем мир. В дальнейшем стихотворение связывает присутствие с природой, движением и мыслью. Это определённый язык поэтического отношения. У Канта в § 28 объяснение обращается к разумному и нравственному назначению человека, которое нельзя свести к превосходству природной силы. Бёрк рассматривает сильное переживание через страх и изумление. Если поставить эти основания рядом, общий словарь не отменит различий. Они могут помочь рассмотреть один вопрос с разных сторон, но не докажут, что природа, разум и чувство называются разными именами только по случайности. Статья сохраняет возможность сравнения без заявления, что все три текста открывают единую скрытую доктрину.

Такое различение особенно нужно, когда впечатление хочется сразу назвать ответом на главный вопрос жизни. Сильная встреча может сделать вопрос заметнее, но не обязана решить его вместо человека. Поэтическое присутствие не является проверенным сообщением о судьбе; философское объяснение не выбирает конкретный поступок; историческая теория чувства не подтверждает правильность возникшей убеждённости. Можно признать значимость впечатления и оставить дальнейшее толкование открытым. Это не обесценивание, а точность: здесь было переживание, здесь — предложенное объяснение, а здесь — факт, который пока неизвестен. Когда эти уровни различены, читатель может обратиться к источнику с вопросом, а не использовать его имя как печать, которой закрывают сомнение и обсуждение последствий собственного решения.

Можно также не присваивать себе источник целиком. Читателю доступно сказать: мне важна оговорка Бёрка о расстоянии, но я не принимаю всю его теорию; мне интересен кантовский вопрос, но не все исторические оценки; я слышу голос Вордсворта, не утверждая его уверенность о природе как собственное убеждение. Такое чтение требует назвать выбранный фрагмент и предел заимствования. Иначе удобная часть незаметно начинает представлять всю книгу. В выбранном § 28 Канта есть исторические высказывания о войне, мире и культурных различиях; они не приняты здесь как современная норма достоинства. Основание сравнения остаётся конкретным. Выход за привычную меру не обязывает снять критическое отношение к тексту, из которого взято слово для опыта.

VIII. Не нужно доказывать собственную ничтожность

Большой масштаб часто сопровождают готовой фразой о маленьком человеке. В ней может быть простое сравнение размеров, но может скрываться переход к оценке достоинства: раз ты мал, твои вопросы и обещания несущественны. Такой переход не следует из фотографии, моря или стихотворения. Физическая величина и значение отношения принадлежат разным разговорам. Кантовский § 28 особенно не сводится к сообщению о беспомощности: его аргумент ищет иной способ мыслить человека перед мощью природы. Не нужно принимать весь ответ Канта, чтобы заметить проблему сокращённого пересказа. Если убрать его особое основание, останется только впечатление силы, которое ошибочно представят как весь смысл источника и как приказ человеку уменьшить значение собственной жизни.

Можно признать, что человек не управляет огромным пространством, и одновременно сохранить конкретное обязательство перед другим. Большой мир не отменяет небольшого обещания. В нашей условной сцене встреча с изображением не решает, нужно ли закончить начатую работу или ответить собеседнику. Эти вопросы имеют собственные условия и участников. Возвышенное не должно становиться удобным выходом из них: теперь всё кажется мелким, поэтому ничто не требует внимания. Такую фразу стоит рассмотреть отдельно от переживания масштаба. Она добавляет вывод, который не был измерен и не обязателен. Значимость встречи может сосуществовать с обычной точностью действия; человек не обязан выбирать между мыслью о большом и уважением к тому, что действительно обещал в доступной ему ситуации.

Нет и обратной обязанности — после сильного впечатления немедленно стать ответственнее, духовнее или благодарнее. Такой отчёт снова заранее назначает результат. Человек может вынести вопрос, не вынести его или позже описать встречу иначе. Источники здесь дают язык для различения, а не сертификат развития. Не требуется сравнивать своё чувство с чужим или доказывать, что оно достаточно возвышенно. Если появилась мысль о собственной незначительности, её можно рассмотреть как конкретное толкование, а не как окончательный приговор. В рамках статьи нет процедуры изменения состояния; вопрос остаётся содержательным: из какого наблюдения возник этот вывод и не произошло ли смешение размера, власти, знания и достоинства, которые сами по себе не образуют единую шкалу?

IX. Разговор допускает разные меры встречи

Когда несколько людей смотрят на один предмет, полезнее сначала различить их описания, чем искать обязательное общее чувство. Один говорит о форме, другой — о памяти, третий задаёт вопрос о факте. Можно уточнить, о чём именно каждый рассказывает. Это не означает, что всякое толкование одинаково верно: фактические утверждения по-прежнему требуют основания, а текст можно прочитать неточно. Но различие отношений не всегда является ошибкой, которую нужно исправить. Иногда собеседники просто отвечают на разные вопросы. Сравнение источников помогает заметить такую возможность: бёрковское изумление, кантовское суждение и вордсвортовское возвращение не обязаны совпасть в одном разговоре, чтобы стать предметом внимательного чтения, аргумента и уточнения выбранных слов.

Можно предложить собеседнику свой вопрос, не назначая ему участие. Например: меня занимает различие между размером изображения и тем, что оно позволяет представить; хочешь обсудить это? Ответ может быть отрицательным или кратким. Тогда впечатление не получает автоматического опровержения, но и другой человек не становится обязанным слушателем. Вордсворт обращается к сестре и говорит о её будущем с надеждой. Это важная часть стихотворения, однако поэтическое пожелание не доказывает, что любой адресат согласился на такую роль. Современная граница участия принадлежит нашему рассуждению. Она позволяет читать сильное обращение в его жанре и одновременно различать желание автора, действительное согласие собеседника и неизвестное будущее, которое нельзя заранее обещать за другого.

Разговор может закончиться до появления общего толкования. Иногда достаточно понять, что участники не спорят об одном факте, а описывают разные стороны встречи. Иногда остаётся настоящее разногласие, и его не требуется переименовывать в скрытое единство. Ни Бёрк, ни Кант, ни Вордсворт здесь не становятся арбитром, который обязан примирить всех читателей. Их тексты можно сопоставлять и оспаривать в названных пределах. Завершение разговора не обязано сопровождаться обещанием вернуться к предмету, получить более глубокий опыт или доказать изменение взгляда. Вопрос может остаться частным и незавершённым. Это сохраняет серьёзность внимания: человек не выдаёт вежливое согласие за действительное, а неизвестный следующий шаг — за уже возникший общий путь.

X. После встречи остаётся право на точное описание

Возвышенное можно оставить названием вопроса, не превращая его в итоговую оценку всей жизни. Встреча показала предел привычной меры; дальнейшее основание может остаться предметом чтения и размышления. Человек вправе сказать меньше, чем обещает готовый рассказ о преображении. Я увидел иначе; я не знаю, изменит ли это что-нибудь; я сейчас связываю впечатление с памятью, но могу уточнить связь позже. Такие предложения не требуют доказать исключительность опыта. Они сохраняют различие между случившимся, истолкованным и ожидаемым. Если ничего похожего не произошло, это тоже не нужно исправлять. У статьи нет обязательной последней ступени, на которой каждый читатель должен почувствовать расширение мира или признать источники объяснением собственного состояния.

Три источника оставляют разные опоры. Бёрк помогает различить сильную встречу и непосредственное страдание, внимание и страх в своей исторической теории. Кант отделяет возвышенное от простой величины и от свойства, которое будто бы автоматически лежит в предмете; его особое основание связано с разумом и нравственным назначением. Вордсворт показывает встречу, которая включает память, изменение взгляда и поэтическое обращение к другому. Ни один из этих ходов не делает опасность необходимой, если мы не добавляем такое требование сами. И ни один не отменяет точности в отношении фактов. Можно взять конкретный вопрос из текста, назвать его предел и сохранить разные основания, вместо того чтобы собирать удобный общий рецепт сильного переживания для всех.

В конце нашей условной сцены фотография остаётся фотографией, а люди — участниками со своими вопросами и условиями. Один захотел прочитать подпись, другой подумал о времени, третий ушёл без особого впечатления. Не нужно назначать победителя. Если кто-то назвал встречу возвышенной, можно понять, что именно он хотел этим словом различить. Если слово не подошло, его отсутствие не обедняет человека автоматически. Внимание сохраняет предмет, меру утверждения и свободу закончить. Большое не обязано унижать малое, а выход за привычное — требовать отказа от критического взгляда. Встреча может остаться значимой без предписанного результата, когда её значение не выдают за универсальный факт, обязательство другого человека или гарантию собственной окончательной перемены.

Что это значит на практике

Если хочется рассмотреть уже случившуюся встречу, можно выбрать один небольшой вопрос без повторения впечатления. Назовите, что действительно было перед вами: предмет, изображение, текст или воспоминание. Отдельно попробуйте описать, чего не хватило в привычной мере: размера, знакомого объяснения, способа удержать целое или слов для отношения. Можно не называть это возвышенным и не продолжать, если такой разговор сейчас не нужен.

Затем различите наблюдение и вывод. Что известно о предмете, что относится к вашему впечатлению, а что остаётся предположением? Если возникло объяснение из Бёрка, Канта или Вордсворта, назовите конкретный фрагмент и его предел. Это не проверка правильного чувства. Для фактического вопроса может потребоваться иной источник; поэтическая строка не обязана отвечать вместо него.

Наконец можно оставить одну точную фразу о встрече без обещания перемены и без вывода о собственном достоинстве. Если хочется поделиться, сначала уточните готовность собеседника. Разговор вправе закончиться без общего чувства или дальнейшего задания. Эта небольшая работа не требует опасного воздействия, поездки, особого состояния или благодарности; она не обещает успокоения, лечения либо роста и не обязана давать результат.

Ключевая цитата

> *«на определённом расстоянии и при определённых изменениях»*

— Эдмунд Бёрк, A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful, I.VII, выбранный фрагмент последнего предложения. Наша передача английского оригинала; начало и продолжение предложения не включены.

Связи между традициями

1. **Расстояние и условие встречи. Бёрк I.VII ↔ Кант § 28, абзацы о пугающем предмете и безопасности.** Общий вопрос: почему непосредственная угроза не равна рассматриваемому возвышенному? Бёрк отделяет слишком близкие боль и опасность от переживания на изменённом расстоянии; Кант различает предмет, способный вызвать страх, и фактически испуганного наблюдателя, предполагая положение безопасности. Механизм сходства — смена отношения к предмету, а не обязанность выдержать воздействие. Для темы это отделяет выход за привычное от задания искать риск. Граница: у Бёрка историческая теория чувства и особого удовольствия, у Канта — аргумент о разумном и нравственном назначении. Ни один фрагмент не удостоверяет безопасность конкретного места и не вычисляет допустимое воздействие.

2. **Предел формы и поэтическое присутствие. Кант § 23 ↔ Вордсворт, фрагмент о присутствии и чувстве возвышенного.** Общий вопрос: что происходит, когда привычное ограниченное представление не исчерпывает отношения к увиденному? Кант переносит объяснение возвышенного с формы предмета на отношение способностей и идей разума. Вордсворт связывает конкретный опыт с присутствием, природой, движением и мыслью, используя образ более глубокого взаимного проникновения. Сходство — отказ исчерпать встречу внешним очертанием; оно позволяет говорить о масштабе значения, а не только размера. Различие существенно: поэтическое присутствие в мире не отождествляется с кантовским основанием в разуме и сверхчувственном. Совпадение слова не доказывает общего учения или достоверной картины устройства мира.

3. **Изумление и тихая глубина внимания. Бёрк II.I ↔ Вордсворт, фрагмент о спокойном, благословенном настроении перед позднейшим описанием перемены взгляда.** Бёрк показывает изумление как заполнение внимания предметом с участием ужаса; Вордсворт описывает более спокойный поэтический регистр и вспоминаемые природные формы. Общий вопрос — как встреча выходит за простое добавление приятного впечатления к привычному ходу дня. В обоих случаях отношение не исчерпывается обычным быстрым обзором, но механизм и тон различаются. Для темы сравнение оставляет возвышенному больше одного регистра, без приказа испугаться. Граница: теория Бёрка не является современным измерением психики, а личное свидетельство Вордсворта не гарантирует спокойствия читателю и не доказывает лечебного действия природы.

4. **Величина и мощь. Бёрк II.II, океан и обширная равнина ↔ Кант § 24, математически и динамически возвышенное.** Общий вопрос: почему внешний размер не определяет весь характер встречи? Бёрк вводит страх при сравнении двух больших пространств; Кант разделяет вопросы величины и мощи. Сходство — необходимость назвать

отношение и основание, а не ограничиться количеством. Для темы это помогает отличить невозможность представить расстояние от мысли о силе. Граница: бёрковский пример служит его теории переживания, кантовское деление — другой философской конструкции; один источник не подтверждает всю систему другого. Из § 24 не присваиваются непрочитанные здесь доказательства §§ 25–27, а сравнение не становится законом одинаковой реакции всех людей.

5. **Настоящее отношение и память. Вордсворт, возвращение после нескольких лет и изменение прежнего взгляда ↔ Кант § 23, место возвышенного в отношении способностей.** Общий вопрос: можно ли считать смысл встречи неизменным свойством объекта? Вордсворт включает в увиденное годы отсутствия, память и изменившееся восприятие; Кант не помещает возвышенное в природный предмет как обычное качество формы. Сходство — внимание к отношению воспринимающего, которое внешний перечень свойств не исчерпывает. Для темы оно делает различимые впечатления собеседников возможными без рейтинга глубины. Граница: личная временная история поэта не является доказательством кантовской структуры суждения, а философский аргумент не объясняет автоматически биографию человека. Возрастная последовательность стихотворения не назначается обязательным развитием.

6. **Надежда об адресате и условие рассмотрения. Вордсворт, заключительное обращение к сестре ↔ Кант § 28, абзацы о безопасности и отношении к природной мощи.** Общий вопрос: можно ли отделить предмет встречи от положения конкретного человека? Поэт связывает место с сестрой и надеждой о её будущей памяти; Кант оговаривает положение наблюдателя, прежде чем развивать аргумент. Сходство ограничено важностью отношения и условий, а не одним обещанным состоянием. Для темы оно препятствует приказу пережить величие одинаково. Граница: поэтическая надежда не гарантирует будущего адресата, кантовское условие не устанавливает фактическую безопасность. Современное право не участвовать принадлежит редакционной границе статьи, а не выдано за одинаковый тезис обоих источников.

Первоисточники

1. Эдмунд Бёрк, **A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful**, I.VII и II.I–II, английский оригинал в Works, Volume I, John C. Nimmo, London, 1887; Project Gutenberg 15043. Названные разделы прочитаны целиком: близость опасности, изумление, страх и сравнение океана с равниной. Ключевая цитата — выбранный фрагмент последнего предложения I.VII, наша русская передача. Историческая теория не принята как современный физиологический закон или инструкция воздействия. Текст Бёрка.

2. Иммануил Кант, **Critique of Judgement**, §§ 23–24 и 28, перевод J. H. Bernard, вторая редакция 1914; Project Gutenberg 48433. Эти разделы прочитаны целиком; § 29 — критический контекст, а не принятая шкала культуры. Взяты вопросы формы, величины, мощи и условия безопасности. Отдельной цитаты нет; немецкий оригинал не сверялся. Исторические оценки войны, мира, культур и религиозного страха не стали нормами достоинства или современными советами. Выбранный перевод Канта.

3. Уильям Вордсворт, **Lines written a few miles above Tintern Abbey**, Lyrical Ballads 1798, английская транскрипция названной редакции на Wikisource; заголовок датирует возвращение 13 июля 1798 года. Стихотворение прочитано целиком вместе с заголовком и примечаниями. Эпиграф — две выбранные строки после упоминания присутствия, наша русская передача. Поэтические утверждения о природе, памяти и будущем сестры не являются доказательством лечения или гарантии состояния. Текст стихотворения 1798.

Русские цитаты переведены нами с названных английских оригиналов; пересказ Канта опирается на перевод Бернарда. Английская редакция сохраняет эти разные основания. Сопоставления относятся к конкретным прочитанным фрагментам, а условные современные сцены и границы участия принадлежат рассуждению статьи. Источники не представлены как одинаковое учение или подтверждение универсального результата.

Теги

возвышенное, эстетика, масштаб, величина, мощь, красота, внимание, изумление, страх, расстояние, безопасность, суждение, воображение, разум, память, возвращение, природа, поэзия, Бёрк, Кант, Вордсворт, Тинтернское аббатство, форма, границы, неизвестность, достоинство, участие, критическое чтение, впечатление, смысл

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.